

Добраться на пароме до Вейла заняло даже меньше времени, чем предполагал Жон. Фактически он высадился даже не в самом городе Вейл, а в поселке на побережье, всего в часе ходьбы от города, практически считавшимся частью города. Не желая показаться подозрительным и для экономии времени, охотник приобрел билет на автобус, и прибыл в город, смешавшись с массой других пассажиров, высадившихся в Торговом Районе. Должно быть, так же добирались до Вейла Янг и Руби, когда в Сигнале был выходной. Естественно до того, как Янг получит свой мотоцикл.

Возвращение в Вейл оказалось странным опытом, хотя он никогда и не думал об этом. Он ожидал, что это будет похоже на возвращение домой, но нет. Даже если Жон не решался снова использовать слово «другой», иного было не подобрать. За десять лет город не сильно изменился, хотя некоторые магазины в его будущем закрылись, а другие еще не открылись на своих местах. Большая часть строек уже велась. Главным же отличием было то, что его друзей не было рядом, и это превращало город в самое обычное место. В конце концов, дом там, где сердце. Может, просто это был не Бикон.

В конце концов, это не имело значения. Он не задержится здесь надолго. Главная цель — проникнуть в преступный мир и сделать себе поддельный ID. Хотя ему пока удавалось избежать проверки документов благодаря порталу Рейвен между странами, в Атласе ему так не повезет. Стало бы проблемой найти работу, открыть банковский счет или обратиться в больницу.

Более того, Жон хотел сделать это быстро. Портал Рейвен стал неожиданным подарком, которого он не ждал, но он сопровождался осложнениями, Кроу-образными осложнениями. После той небольшой демонстрации, почти не было шансов, что тот не доложит Озпину. Победа над Кроу не была поводом для подозрений, но их определенно вызвало бы появление Жона в Вейле. Сильный бандит в банде Рейвен это одно; тот же бандит, прибывший в Вейл раньше возвращения Кроу, это совсем другое. Озпин должен быть совсем глуп, не появившись у него определенные подозрения.

Даже если Кроу пролетит весь путь, я обгоняю его по крайней мере на сутки. Впрочем, мне лучше покинуть город прежде, чем он прибудет и отчитается Озпину. У Жона было ощущение, что в этом отчете он будет фигурировать во всей красе и последнее, чего он хотел — что бы Озпин заметил его в Вейле. Несколько месяцев лучше держаться подальше от Вейла.

Заплатить за фальшивые документы не составит труда. Найти того, кто смог бы их сделать? С этим было посложнее. Он попытался вспомнить, как справился с этим в первый раз, когда попал в Бикон по фальшивым документам, но ничего полезного для текущей ситуации не получил. Он просто ныл об этом и его слышали, почувствовав легкую возможность заработать и помочь друг другу. Жон не был уверен, что тот человек вообще ожидал, что у него что-то получится, но у него получилось и его ID принимали без вопросов.

Однако теперь у него была идея получше и охотник углубился в город. Даже если технически прошло три года или около того, как он жил в Вейле, он все еще хорошо помнил город, и ноги сами вели его знакомой дорогой. Некоторые люди обращали внимание на его одежду, вероятно, узнав специфический фасон из Вакуо, но никаких действий по этому поводу не предпринимали, так как он не вызывал никаких подозрений. Город был мирным и тихим, как

тогда, когда Жон впервые присоединился к Бикону, до Белого Клыка, Витальского Фестиваля и эпопеи с Синдер.

Это был город, в который он всегда хотел вернуться, в то время, когда он был просто неуклюжим членом команды JNPR, которого Нора вытащила в недавно найденное местечко с блинчиками, всегда с Реном и Пиррой на буксире, посмеивающимися над выходками Норы.

Но это был не совсем тот город, который он знал, и реальность больно напомнила о себе, когда он стоял перед заколоченным и заброшенным зданием. Вместо яркой неоновой вывески, гласящей, что это «Клуб», объявление над дверью говорило о разорившемся банке, выставленном на продажу и частично под арестом.

Джуниор еще не был в бизнесе.

Вот блин!

Это стало более серьезной проблемой, чем он по началу думал. Жон стоял перед зданием прикусив губу — еще не в панике, но теперь намного более встревоженный. Джуниор был его главным планом здесь, единственный член теневого подполья о котором он знал, и то, только благодаря рассказам Янг. Единственный другой вор был Торчвик и найти его требовало слишком невероятной удачи, если тот даже уже был известным вором в этот момент. Разве не смысл путешествия во времени, чтобы он мог использовать свое послезнание? Слишком хорошо звучит, чтобы быть правдой.

«Расслабься, Жон», — вздохнул он, потирая переносицу. «Есть и другие способы сделать это».

Если Джуниора не было, тогда были другие — он не знал их имен, но криминальные боссы и другие люди занимали эту нишу. Не похоже на то, что не совершалось преступлений до тех пор, пока Джуниор и Торчвик не вышли на сцену, они просто были на своем месте в свое время.

Очевидно, что самый быстрый способ найти таких людей — это тюрьмы или полиция, но поскольку он не хотел с самого начала зарабатывать неоднозначный авторитет, это ему не подходило. Весь смысл был в скрытности, а не в том, чтобы написать у себя на лбу: «Заметь меня, Озпин» и бегать повсюду, как безголовая курица. На этой ноте он потерял тыльную сторону своей руки, благо кожаные перчатки скрывали знак Салем.

Тем не менее, он должен был найти кого-то, кто мог бы сделать ему документы. Жон вздохнул, стыдливо и немного смущенно признав, что у него нет идей. «Янг или Блейк знали бы, куда идти, но откуда мне знать? Я только нарушил закон, солгав, чтобы попасть в Бикон. Думай, Жон. Думай».

Возможно, найти наркодилера было бы планом. Сумасшедшим, тем более, что он не хотел ничего подобного, но он, по крайней мере, знал, что они собирались поздно ночью на улицах,

и, возможно, он мог бы заплатить им за некоторую информацию. Это была плохая идея, но она была лучше, чем ничего. Из того, что он слышал на новостных каналах, когда был в Биконе, большинство наркоторговцев работали на поставщиков — и они были так же преступники, верно? Если бы вы могли провезти наркотики в Вейл, у вас, вероятно, была возможность подделать документы или знать кого-то, кто мог.

Пока Жон был погружен в свои мысли, он почувствовал странное, но знакомое ощущение. Странное своей неестественностью; знакомое в том, что он сразу узнал это ощущение, и его инстинкты, отточенные в смертельной борьбе, пришли в действие. Улица была пуста, кроме него никого не было, и все же его разум знал, что это не так.

Когда пальцы коснулись его бедра, его рука сделала резкое движение — ловя. Он схватил запястье, которое крепко сжал в руке, заработав визг от девочки, которая, казалось, материализовалась перед ним. Карманник — другой карманник, но вместо разгильдяя Сана она была более опытна и имела проявление, которое помогало быть ей незаметной, невидимость или что-то подобное. Жон покачал головой и впервые посмотрел на нее. Когда он это сделал, его глаза расширились и его рука инстинктивно сжалась.

Хрустнули кости.

Девочка закричала.

Несколько прохожих через дорогу оглянулись в его сторону. Кто-то равнодушно отвернулся, кто-то покачал головой, но все они поспешили прочь, не желая встать между стремным мужиком и каким-то безымянным шпаненком с улицы. Поскольку этого ребенка он опять держал одной рукой, то ситуация была так же болезненно похожа на ту, когда Сан пытался обокрасть его. В конце концов, мир не меняется. Сироты будут всегда.

Но теперь все было по другому и широко открытыми глазами Жон, инстинктивно стискивая пальцы, которые сжимают запястье девочки еще сильнее, вызывая боль и заставляя ее плакать. — «Пожалуйста», — прошептала она. — «Мне очень жаль. Мне очень жаль. Я не хоте-»

Его рука еще сильнее сжалась, абсолютно без его желания. Она замолкла всхлипывая.

Темный тон кожи, тонкие конечности и испуганные красноватые глаза. Все в ней вызвало бы его сочувствие, его сострадание, за исключением двух красноречивых вещей; проявления, которое она использовала, чтобы попытаться подкрасться к нему и ее волос — пастельно-зеленого цвета. Факты проносились через его разум, но не то, чтобы он нуждался в них, потому что он узнал ее сразу, даже на десять или более лет моложе. Его широкие глаза смотрели на такого знакомого человека и такого печально знакомого врага.

Эмеральд Сустрей...

У Жона перехватило дыхание. Он не видел перед собой девочку лет семи — восьми, которая боролась за выживание. Вместо этого он видел жестокую ухмылку девушки намного старше, стоявшую рядом с Синдер и злорадствующей по поводу того, что они сделали с Биконом. Он видел одного из людей, ответственных за нападение, за падение Бикона, за смерть Пирры.

План Синдер развалится, если Эмеральд умрет сейчас, не так ли? Это был бы простой способ, если не остановить Синдер, то хотя бы значительно усложнить ей жизнь. Все, что ему нужно было сделать, это убить девочку перед ним; не сложная задача, учитывая, насколько она беззащитна. Она не могла остановить его.

Все, что ему нужно было сделать, это убить маленькую девочку.

«Пожалуйста, отпустите меня», — заскулила Эмеральд. Слезы уже текли по ее лицу, она безвольно повисла у него на руке. Она была так худа — только кожа да кости. «Мне очень жаль...»

Было трудно ослабить хватку, очень трудно. Жон не осмелился отпустить ее полностью из страха, что она убежит, но он активировал свое проявление и подтолкнул часть своей ауры в нее, успокаивая боль в ее запястье. Она почувствовала это и ахнула.

Это не она, сказал он себе, зажмурившись и стиснув зубы. Да, он злился, но больше всего на себя. Это была Эмеральд, но это была не та девушка, что разрушила его жизнь — пока нет. Из того, что он знал о Эмеральд, так это то, что она была сиротой до того, как ее подобрала Синдер, хотя он понятия не имел, когда и где. Ну, похоже, теперь он знал «где».

Но независимо от того, кем она станет, она была маленькой девочкой, и он просто сломал ей запястье в состоянии внезапного шока. И думал о том, чтобы убить ее; каким монстром он был? Никто не простит ему этого. Ни Пирра, ни Руби, и уж точно не он сам, когда гнев угаснет и он столкнется с мертвым телом невинного ребенка. От одной мысли об этом, подступила тошнота. Это позволило Жону медленно успокоиться и почувствовать собственное сожаление. Он сконцентрировался на своем проявлении и залил ее тело большей частью своей ауры, облегчая ее боль.

«Я не причиню тебе вреда», — прошептал он. Слова были не очень убедительными, учитывая то, что он только что сделал и как отреагировал на нее, но Эмеральд не спорила, вероятно, потому, что это было бы безнадежно в любом случае, или, может быть, потому, что она просто не хотела его сердить. «Ты карманник, правильно?» — спросил он. Когда она не ответила, Он слегка встряхнул ее, давая понять, что требует ответ.

«Д-Да».

«И ты живешь в Вейле?»

Она слабо кивнула.

Ну, это было достаточно очевидно. Ее проявление было бы полезно для этого, тем более, что оно влияло только на человека, на котором она сосредоточилась. Все остальные видели бы, как она подошла и попыталась забрать его деньги, но приняли бы это за что-то приемлемое, так как, если бы это было не так, жертва ограбления что-то сделала. Интересно, так ли она познакомилась с Синдер? Эта женщина мгновенно осознала бы пользу такого проявления. И тогда Эмеральд была бы завербована и со временем стала бы одним из величайших активов Синдер, фигурой, сыгравшей бы важную роль в ложном обвинении Янг и падении Бикона, наряду со многими другими преступлениями.

Он не ошибался, когда думал, что ее убийство изменит многое. Синдер найдет другие средства и инструменты, но лишит ее Эмеральд? Это был бы сильный удар.

Но он не мог убить ее. Он не мог стать таким человеком. Это было бы не лучше, чем-то, в чем я обвиняю Озпина. Хуже, на самом деле. Пожертвовать жизнью невинной девочки на благо будущего, за которое она не может нести ответственность. Должен быть другой путь.

Вздохнув, он отрезал течение своей ауры от нее, позволив Эмеральд достаточно свободы, чтобы пошевелить пострадавшим запястьем и обнаружить, что оно исцелилось. Ее широко раскрытые глаза перевели взгляд от него к Жону, она не понимала, как, почему или, что может произойти с ней дальше.

«Ты голодна?»

Это сработало с Саном, так почему бы не сработать и здесь? Живот Эмеральд заурчал.

Идеально.

Это была странная мысль, которая пришла ему в голову, что если он встретится со всеми, кого он знал раньше и купит еды или накормит их хотя бы раз. Рен и Нора получили от него запасы в Мистрале, а Сан в Вакуо и Эмеральд сейчас, сидели напротив него, перекусывая тем, что он купил, хотя ситуации не могли быть более разными. Более доверчивый и открытый, Сан сразу набил рот едой.

Эмеральд была куда более осторожна. Она ковырялась в еде пальцами, но не решалась есть. Ее плечи были напряжены, девочка готовилась броситься наутек при малейшей возможности и все же отчаянно боялась, боялась того, что он сделает, если поймает ее. Даже после исцеления было ясно, что боль и шок от того, что он с ней сделал, вызывает у нее ужас. Вероятно, он был похож на чудовище, нереально сильное и быстрое, а теперь нацелившееся на нее.

То, что Жон улыбнулся, не успокоило ее. «Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Запястье в

порядке? Оно должно быть исцелено».

Девочка баюкала пострадавшее запястье на коленях, вместе с рукой, но по его настоянию дала осмотреть.

«Похоже, что стало намного лучше. Я не хотел причинить тебе боль». — Не совсем ложь, но и не совсем правда. «Но я надеюсь, что еда сможет сработать как извинение. Ты можешь есть, она не отравлена. Я был с тобой все это время, и это было приготовлено на кухне. Не думаю, что в таком месте осмелились бы подавать плохую еду».

Логика или голод победили и Эмеральд немного попробовала еду — смесь овощей и картофельного пюре с говядиной и индейкой. Это была большая порция, вероятно, больше, чем она когда-либо видела, но даже так она почти не прикоснулась к ней. Вероятно, это был плохой знак, нежелание, основанное либо на отсутствии доверия к нему, либо на плохом опыте, который у нее был раньше. Это могло быть как-то, так и другое.

Ох, это не очень хорошо работает. Сан был гораздо более доверчивый.

Она думала, что он причинит ей боль. Черт, он понятия не имел, что, по ее мнению, он собирается с ней сделать, и у него было чувство, что он предпочел бы этого и не знать. Маленькая девочка, одна на улице, загнана в угол и затащена на обед таинственным взрослым. Жон вздохнул и растрепал волосы. Может быть, лучше начать с правды.

«Я делаю это не просто в качестве извинения за то, что причинил тебе боль. Мне нужно кое-что в Вейле и я надеялся, что ты поможешь мне. Я даже готов заплатить тебе». Он вынул немного льен и положил их на стол. Глаза Эмеральд были наполнены паникой, девочка дрожала. «Ничего неприятного, что тебе пришлось бы сделать, или через что пройти», — заверил он, очень обеспокоенный, что такая маленькая девочка могла себе вообразить, чтобы настолько испугаться. «Мне нужно найти кого-то, кто может сделать мне поддельный ID, который пройдет проверку».

«Хакер...» — голос Эмеральд был тихим, нервным и явно испуганным. Она не смотрела ему в глаза, уставившись на еду перед собой. Он видел, как она сглотнула, и не только от страха, но и от голода. Она была совсем не похожа на ту уверенную в себе девушку, которую он видел в своем будущем.

«Да, именно так», — сказал охотник, сохраняя свой голос мягким и теплым. «Я не собираюсь причинять тебе боль, по крайней мере, специально. Мне просто нужен проводник, чтобы отвести меня к нужным людям или к тому, кто может знать больше. Я буду счастлив заплатить тебе за это».

Она нервно посмотрела ему в глаза. — «Это все...?»

«Это все», — пообещал Жон, улыбаясь так старательно, как он мог. Он кивнул на ее тарелку. —

«Но до этого съешь свою еду. Ты проголодалась, я вижу».

Последнее заверение, возможно, и не много значило для нее, но самоконтроль Эмеральд наконец дал брешь. Она не была аккуратной и тихой при еде, но когда она принялась за еще теплую пищу, Жон не мог не вздохнуть с облегчением.

Это был шаг в правильном направлении.

Улыбающийся Человек смотрел, как она ест.

Эмеральд понятия не имела, что хотел этот человек, но не могла спорить. Он был странным, с теплым голосом и дружелюбным, но многие другие люди вели себя так же и она видела других уличных крыс, обманутых их добрыми словами и жестами. В нескольких кварталах отсюда жила девушка, которая ушла с добрым пожилым мужчиной, который купил ей еду и одежду. Она вернулась сломленной и рыдающей, уже не такой, как прежде. Вскоре после этого она покончила с собой. Эмеральд видела, как это произошло и смогла первой перехватить те немногие вещи, что были у бедняги. Она даже взяла нож и использовала его, чтобы защитить себя пару раз.

Жизнь на улицах Вейла была суровой. Она потеряла нож немного позже, хотя это дало ей шанс сбежать от одного из более взрослых парней, которые хотели ее тело. Она оставила его в бедре ублюдка, когда бежала. Теперь она столкнулась с кем-то гораздо более сильным, кто мог так сильно сдавливать ее кости и кто мог двигаться быстрее, чем она могла видеть.

Это было плохо. Даже в восемь лет она знала, что это очень плохо. С тех пор, как она увидела ту сломанную девушку, Эмеральд знала, что нельзя доверять доброте людей. Не то чтобы у нее был большой выбор с Улыбающимся Человеком.

А, к черту. Если с ней собираются поиграть и убить, она может с таким же успехом умереть на полный желудок. Еда едва успела коснуться ее языка, как она проглотила ее, но то небольшое, что осталось, взорвалось во рту вкусами, которые она никогда не пробовала раньше. Кто-то однажды дал ей кусочек пирога, на самом деле по доброте душевной. Это был крошечный кусочек теста с корочкой, но вкус остался с ней больше года. Это? Это было намного лучше, и все принадлежало ей.

Это был коричневый соус — подливка. Он был очень густым, и рядом с ним было настоящее мясо, нежное и мягкое, а не твердое и тягучее, как обрезки, выброшенные мясниками. Не то, чтобы у нее было много шансов получить их. Лучшие места занимали самые крутые и подлые беспризорники, но она смогла использовать свое проявление один или два раза, чтобы обмануть их. Однако те грязные куски мяса не были похожи на эти. И овощи не были прогнившими или изъеденными червями.

Желудок Эмеральд начал болеть после половины порции, она не привыкла к хорошей еде, но она заставила себя есть до тех пор, пока не съела все. Она так же вылизала тарелку, не обращая внимания на недовольные взгляды одного или двух денежных мешков вокруг. Нахуй их. Они едят это все время.

«Было вкусно?» — ее новый хозяин — можно же его так называть, верно? — спросил. Он улыбнулся ей, и она бы смогла даже на мгновение поверить, что он действительно заинтересован, если бы не знала людей лучше. И снова ее взгляд пробежал мимо него, к выходу. Она была быстра, но должна была проскользнуть мимо него, когда выходила из-за стола. Она никогда не решится на это, слишком боялась того, что он сделает, если она попытается.

Некоторые люди любят непослушных девочек. Это давало им повод наказывать их. Она не собиралась играть в его игру — ни за что. Вместо этого она кивнула, опустив глаза и уставившись на стол.

«Хочешь десерт?»

Эмеральд стала еще более хмурой. Конечно, она знала, что это. Однажды она даже попробовала мороженое, слизав его с земли после того, как какой-то ребенок уронил его, а потом ушел, плача. Почему это вообще было проблемой? Оно лежало на земле, но все равно было хорошим. Сейчас она была сыта, но ей понравился вкус. И, честно говоря, чем больше времени она проведет здесь, тем позже она окажется с ним наедине. Она кивнула.

«Это значит «да»?»

Девочка снова кивнула.

«Я тебя не слышу».

«Да», — прошептала она, покраснев и сжав колени под столом. «Я бы хотела немного».

Когда мужчина спросил, чего она хочет, Эмеральд нечего было сказать — она не могла прочитать меню и не желала признаваться в этом. Видя, что она молчит, он заказал для нее что-то под названием горячий шоколадный торт с мороженым. «Это вкусно», — заверил он ее, подмигнув.

Зачем ты это делаешь? Хотела она спросить в ответ.

Но она не спросила. Она не посмела разозлить его. Улыбающийся Человек пугал ее, но куда больше она боялась того, каким он будет, когда перестанет улыбаться.

Он не обязан был объяснять и это не имело значения. Он выбрал ее, а она не успела убежать

или вырваться на свободу, так что, по правилам улицы, он мог делать с ней все, что хотел. Если это подразумевает немного доброты перед болью, так тому и быть. Кто она такая, чтобы жаловаться?

Но когда этот его торт появился? Эмеральд никогда не пробовала что-то настолько замечательное. Она не могла сопротивляться звуку, который исходил из ее губ, когда она его пробовала и тому, как танцевал ее язык, а глаза горели от восторга.

Если я умру, я хочу умереть, вспоминая это, — подумала она.

Это казалось честной ценой за ее жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1779966>